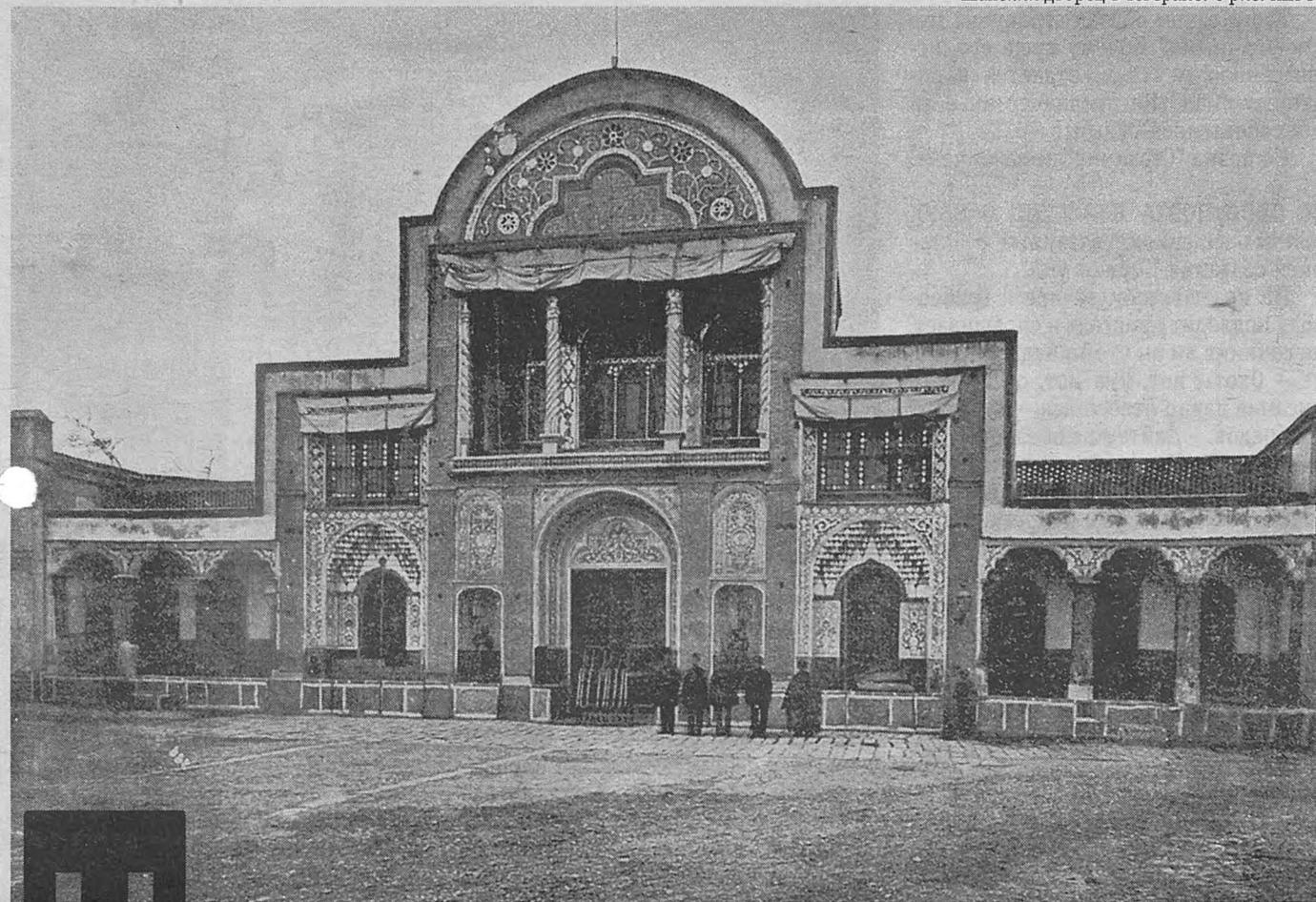

Понимал: человечность никому не нужна. Каин снова и снова будет убивать Авеля.

6

Шахский дворец в Тегеране. С рис. XIX в.

Тегерана

погах перед Тенью Аллаха на Земле. Кто насыпал пепел на наши головы?!"

Грибоедов знал об этом. Агентурная сеть, налаженная им, работала, как хорошо смазанный механизм. Посол убеждал агентов: персы прежде всего должны бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович.

Из дипломатической миссии, прибывшей с Грибоедовым в Тегеран, уцелел только молодой, деловой и проворный чиновник Мальцев. Купил жизнь за двести червонцев, и благонадежные люди спрятали его в коврах. Во всяком случае, так он сам описывал своё чудесное спасение, оправдываясь перед министерством.

Мальцевский вариант спасения для Грибоедова был исключён. Человек чести и долга, чью блестящую холодную храбрость признавали даже не-

други, не мог прятаться среди пыльных ковров, когда за стеной резали товарищей. Вместе с горсткой соотечественников поэт мужественно сражался и разделил их судьбу.

Но так говорил во мне только один человек – рассудительный и недоверчивый, помнивший основную канву тегеранских событий ещё со студенческой скамьи. Другой же, горячий и увлекающийся, возражал: семейная память поразительна. Через поколения и границы она проливает свет на то, о чём знать не знает или умалчивает история.

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ, РАССКАЗАННОЕ бухарским ювелиром, не оставило меня и в Москве. Но странное дело: чем больше узнавал о Грибоедове, тем менее ясным он становился. Образ мерцал, двоился, ускользал. Вот он

смотрит на меня сквозь овальные очки с пушкинского рисунка. На голове высокая персидская шапка, едва намеченная стремительным пером. Сухое, строгое, словно ледяной водой спрыснутое, непреклонное лицо. На вытянутых губах то ли презрительная, то ли горькая усмешка.

Невесёлый персонаж.

Не сразу представишь, что в молодости этот человек с холодным лицом был легкомыслен, пылок, беспечен. Во время мессы в католическом храме сядил за орган и играл то Баха, то "Камаринскую"; верхом на жеребце въезжал на светский бал к изумлению и испугу дам, досаде и зависти кавалеров; стрелялся на дуэли с декабристом Якубовичем и едва того не убил. В общем, куролесил.

Но к чему вспоминать шалости и промахи молодости? Везир-и-мухтар,

посол Грибоедов-Персидский – так называют человека с холодным лицом в петербургских и московских салонах. Он заключил с персиянами мир столь выгодный, что кажется невыполнимым. Обласкан императором, добился славы, высокого положения, денег.

Почему же сам Грибоедов считал, что жизнь не удалась? Почему всё чаще наваливались припадки тоски и глубокого отчаяния? *"Чем мне избавиться от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди"*.

Не спасали ни путешествия, ни карты, ни любовные похождения. Люди и дела представлялись мелкими и ничтожными. Славная комедия – искажением грандиозного замысла. Громкий успех именовался шутовством. Даже женитьба на кроткой Нине Чавчавадзе, шестнадцатилетней грузинской красавице, случившаяся в Тифлисе между приступами лихорадки, проездом в Персию, рождала сомнения. Жизнь с *"воздушным созданием"* казалась то спасением, то виделась тёмной и неопределённой.

К сорока годам Грибоедов *"чернее угля выгорел"*. Видел войны, смерть, знамёна победы; горемычные русские избы и разорённые персидские селения; нелепость, фразёрство, трусость друзей-декабристов; измены любимых, доносы, предательство; видел тщеславие, глупость, деспотизм властителей, губивших несчётное количество людей. Понимал: человечность никому не нужна. Каин снова и снова будет убивать Авеля.

За тысячи вёрст от Петербурга и Москвы скиталец в восточных краях выпадал из своего поколения. *"До меня известия из России доходят, как лучи от Сириуса, через шесть лет"*. / Его сверстников будто уже не существовало: кто казнён, убит, умер; объявлен сумасшедшим или впрямь с ума съехал; кто на каторге, в ссылке, в крепости или заперся в имении. Их нет. Как нет их споров, завиральных идей. А как шумели! И где они? Вместо них шумят другие. В других фулярах и шляпах, с другими прожектами, уставами и надеждами. И так же сойдут, слиняют. Есть ли он сам? И кто сидит в пёстром персидском халате, вытянув длинные ноги в востроносых туфлях, курит кальян и смотрит на звёздное персидское небо?

ПЕРСИЮ ГРИБОЕДОВ НЕ ЛЮБИЛ. Проклинал её на разных языках. *"Дурацкая земля"* – ещё не самое жёсткое определение. Но её глиняные города, не помнившие своего рождения; ещё более древние руины, основание ко-